БЛИЖНИЙ ВОСТОК 02.02.2024 | Ройель Марк Герехт & Рэй Такей

Почему Иран не хочет участвовать в войне

Иран избегает прямых военных действий против Израиля или США из-за внутренних проблем: поиска преемника престола и ядерных амбиций

Война в Газе сейчас дошла до этапа, которого многие боялись, перерастая в конфликт в Ливане, Сирии, Ираке и в Красном море. После ударов США по хуситам в Йемене в январе все больше растут опасения относительно потенциального разрастания конфликта в регионе.

На каждой из этих арен присутствует Иран, и вопрос в том, вступит ли Тегеран и его мощная армия в более широкую войну.

Иран много лет предоставлял финансирование, вооружение и обучение ХАМАСу и «Хезболле», которые воюют с Израилем, а также хуситам, которые атаковали корабли в Красном море. А недавно Иран и сам нанес удары в ответ на смертоносную бомбардировку, утверждая, что целится по шпионской штаб-квартире Израиля в Ираке и по Исламскому государству в Сирии. Также были нанесены взаимные удары с Пакистаном вдоль общей границы.

Несмотря на то, что Иран явно демонстрирует свою военную мощь на фоне все более широких беспорядков в регионе, это не означает, что его лидеры хотят, чтобы Иран втянули в более широкую войну. Они об этом заявили публично, а что еще важнее, они тщательно избегают прямых военных действий против Израиля или США. Похоже, сейчас режим настраивается на свою давнюю стратегию прокси-войны: они поддерживают группы, которые борются с врагами Ирана, и пока ни Израиль, ни Соединенные Штаты не проявили интереса к прямым ответным ударам.

Такое нежелание Ирана непосредственно участвовать в крупных конфликтах связано с внутренними проблемами, которые у режима в приоритете. Немолодой верховный лидер, аятолла Али Хаменеи,

стремится сохранить свое наследие – преодолевая политические препятствия, чтобы назначить преемника-единомышленника, стремясь обеспечить наличие ядерного оружия и выживание режима как исламистского паладина, господствующего на Ближнем Востоке. Для всего этого нужно избежать участия в более широкой войне.

Если режим не организует процесс наследование престола как положено, западные и внутренние враги воспользуются вакуумом лидерства, чтобы свергнуть молодую теократию

Правительство аятоллы Хаменеи пытается контролировать его политическую оппозицию с 2022 года, когда в Исламской республике произошло, возможно, самое серьезное восстание со времен революции. Смерть Махсы Амини, которую арестовала полиция нравов, вызвала широкое разочарование в лидерах страны и положила начало национальному движению, которое явно направлено на свержение теократии. Силовики мулл жестокими методами вернули себе власть над улицами и школами, хорошо понимая, что даже неорганизованные протесты могут стать угрозой для режима. Иран также столкнулся с экономическим кризисом из-за коррупции, хронической фискальной неэффективности и санкций, наложенных из-за ядерных нарушений.

Даже при менее тяжелых обстоятельствах наследование престола в Иране было бы непростой задачей. Единственный другой случай, когда Исламской республике приходилось выбирать нового верховного лидера с момента ее основания в 1979 году, произошел в 1989-м, когда умер аятолла Рухолла Хомейни, так называемый отец революции. В то время аятолла Хаменеи переживал, что если режим не организует процесс как положено, западные и внутренние враги воспользуются вакуумом лидерства, чтобы свергнуть молодую теократию.

Сейчас Ассамблея экспертов Ирана – орган, состоящий из 88 пожилых священнослужителей – конституционно уполномочена избирать следующего верховного лидера. Об этом процессе многое держат в тайне, но, по последним сообщениям в иранских СМИ, комиссия из трех человек, в состав которой входят президент Эбрагим Раиси и члены Ассамблеи аятолла Ахмад Хатами и аятолла Рахим Тавакол, проводит проверку кандидатов под наблюдением аятоллы Хаменеи. Хотя процесс и может выглядеть как открытый поиск, учитывая раздробленную политическую среду, он почти

наверняка служит лишь постановкой, чтобы назначить на эту должность очередного революционера-консерватора.

Когда перспектива создания бомбы так близка, аятолла Хаменеи вряд ли рискнет потерять эти достижения, подвергшись удару по промышленным мощностям

По мнению аятоллы Хаменеи, такой религиозный сторонник жесткой политики был бы единственным кандидатом, способным продолжить стремление Ирана к региональному доминированию или довести до конца другую ключевую часть его наследия: стремление обладать ядерным оружием. Пока внимание мира приковано к войнам в Украине и секторе Газа, Тегеран постепенно приближается к созданию бомбы: больше обогащает уран, строит усовершенствованные центрифуги и улучшает радиус действия и полезную нагрузку баллистических ракет. Когда перспектива создания бомбы так близка, аятолла Хаменеи вряд ли рискнет потерять эти достижения, подвергшись удару по промышленным мощностям.

Управляя поиском преемника престола и ядерными амбициями Ирана, аятолла Хаменеи, похоже, пока доволен тем, что позволяет арабским вооруженным формированиям на Ближнем Востоке делать то, за что им платит – и что учит делать – сам Тегеран. Так называемая ось сопротивления Ирана, в которую входят ХАМАС, «Хезболла» и хуситы, – стержень большой стратегии Исламской республики против Израиля, Соединенных Штатов и лидеров суннитских арабов, что позволяет режиму наносить удары по соперникам, не используя свои силы и не рискуя собственными территориями. Различные ополченцы и террористические группы, которые поддерживает Тегеран, позволили ему опосредованно изгнать Америку из Ирака, поддержать семью Асада в Сирии, а 7 октября – помочь нанести чрезвычайно травматическую атаку на еврейское государство.

Пока поддерживаемые боевики наносят периодические ракетные удары от «Хезболлы» на северном фронте Израиля, подстрекают нападения на базы США в Ираке и препятствуют морскому судоходству в Красном море и Аденском заливе, Иран, вероятно, будет пытаться давлением заставить международное сообщество сдерживать Израиль. А стремление не расширять войну между Израилем и Газой, которое до сих пор руководило американской и израильской политикой, означает, что ни Израиль, ни США,

вероятно, не будут мстить Исламской республике – а только ее сторонникам.

Конечно, ХАМАС, который Израиль пообещал ликвидировать, является ценным для Ирана. Режим вложил время и деньги в группировку, и, в отличие от большинства помощников и союзников Исламской республики, ХАМАС является суннитом, что помогает шиитской теократии преодолеть межконфессиональную вражду в регионе. Освобождение палестинцев, которых иранские революционеры любят с тех пор, как Организация освобождения Палестины помогла им с восстанием против шаха в 1979 году, также является основой антиимпериалистической, исламистской миссии клерикального режима.

Но для аятоллы Хаменеи внутренний фронт всегда будет преобладать над региональными проблемами. В конце концов, если Израилю удастся достичь своей цели уничтожить ХАМАС, теократия, скорее всего, признает гибель группировки, пусть и неохотно.

Несомненно, по мере того, как Иран приобщается к большему количеству конфликтов – прямо или косвенно – увеличивается и вероятность, что из-за случайного или ошибочного удара насилие выйдет из-под контроля, а этого Иран как раз не хочет. История пронизана просчетами, и существует реальная вероятность того, что Иран может стать участником более широкого конфликта, которого сейчас пытается избежать.

Но верховный лидер Ирана так долго занимает свою позицию – дольше всех на Ближнем Востоке – именно благодаря своей удивительной способности сочетать воинственность с осторожностью. Пытаясь продвигать исламскую революцию за пределы своей родины, он понимает слабые и сильные стороны Ирана.

Другими словами, аятолла Хаменеи знает свои пределы и понимает, какое наследие ему нужно сохранить, чтобы революция пережила его самого.

(c) New York Times

Ройель Марк Герехт

Ройель Марк Герехт (Reuel Marc Gerecht) – научный сотрудник Фонда защиты демократий.

Рэй Такей

Рэй Такей (Ray Takeyh) – старший научный сотрудник Совета по международным отношениям.